

Солнце палило нещадно.

Стоило пробыть под ним чуть дольше, как кожу начинало слегка жечь. Нин Гуйчжу перевернул пшеницу на сушильных циновках, вернулся под навес, взял веер и несколько раз энергично обмахнулся. Порывы воздуха разметали прилипшие к лицу пряди волос. С веером в руке Нин Гуйчжу прошёл через главный зал к заднему двору, услышал шум со стороны леса и вышел через заднюю калитку.

Сюн Цзиньчжоу как раз пилил бамбук в тени деревьев.

Нин Гуйчжу посмотрел и сказал:

— Цзиньчжоу, здесь уже почти достаточно. Пойдём в дом, отдохнём немного.

Раньше Нин Гуйчжу говорил, что нужно сделать бамбуковую циновку и бамбуковую кровать, и Сюн Цзиньчжоу всё это время помнил об этом. Как раз сегодня ему не нужно было идти на службу в уезд, поэтому после завтрака он взял тесак и отправился в горы.

Сюн Цзиньчжоу допилил бамбук, которым занимался, сложил его вместе с остальными, вытер пот с лица и подошёл к калитке:

— Пойдём, зайдём внутрь.

Нин Гуйчжу пошёл рядом и быстро обмахивал его веером, даря хоть немного прохлады под палящим солнцем. У колодца Сюн Цзиньчжоу набрал воды, умылся, затем намочил лежавший рядом кусок грубой ткани и быстро вытер грудь и спину.

Липкий пот исчез, а ветер, коснувшись влажной кожи, принёс волну прохлады. Сюн Цзиньчжоу с удовольствием выдохнул, снова прополоскал ткань и подошёл к Нин Гуйчжу.

— И ты вытрись.

Нин Гуйчжу взял ткань. Пока он обтирался, Сюн Цзиньчжоу стоял рядом и обмахивал его веером, поэтому жар быстро отступил. Использованную ткань повесили на спинку стула, а сами сели отдыхать в главном зале. Из спальни без конца доносились детские голоса, повторявшие уроки. По звучанию было ясно, что дети заметно приуныли.

Сюн Цзиньчжоу поднялся и распахнул маленькую дверь между спальней и главным залом.

— А! — Нин Гуйчжу досадливо хлопнул себя по мысли. — Я совсем про неё забыл.

Стоило открыть эту дверь, как воздух начинал свободно проходить через комнаты, и детям в спальне становилось гораздо прохладнее.

Сюн Цзиньчжоу сказал:

— В следующий раз уже не забудешь.

Они продолжали следить за пшеницей во дворе и через определённые промежутки времени вставали, чтобы её перевернуть. Поэтому большую часть дня Нин Гуйчжу проводил в главном зале, лишь время от времени заходя в спальню, чтобы что-нибудь объяснить детям и заодно дать им упражнения для практики. Хорошо ещё, что, стоит начаться уроку, дети сразу становились послушными и сосредоточенными. Иначе откуда у Нин Гуйчжу взялось бы столько свободного времени.

Ближе к полудню Нин Гуйчжу остановил занятия:

— Выходите, передохните, поиграйте немного. Что хотите съесть на обед?

Трое детей серьёзно задумались, а потом хором ответили:

— Что-нибудь холодное!

— Холодное... — протянул Нин Гуйчжу. — Холодная лапша подойдёт?

Такого они ещё не ели. Трое детей, не раздумывая, энергично закивали.

Сюн Цзиньчжоу, увидев их реакцию, фыркнул:

— Вот уж невидаль.

Сюн Чуаньшуй недовольно буркнул:

— Дядюшка, раз ты такой важный, тогда не ешь холодную лапшу, которую приготовит учитель.

— С чего это мне не есть? Чжу-гер - мой фулан, захочу - и буду есть!

Сюн Чуаньшуй тут же вступил с ним в спор:

— Дядюшка, не думай, что я маленький и ничего не понимаю! Супруги могут развестись, а отношения учителя и ученика куда долговечнее!

— Ах ты... — Сюн Цзиньчжоу засучил рукава. — Паршивец, сейчас узнаешь, буду я тебя бить или нет!

Сюн Чуаньшуй, увидев это, тут же бросился наутёк. Дядя и племянник один за другим понеслись вокруг дома. Нин Гуйчжу погладил по головам двух оставшихся послушных детей:

— Вы только с них пример не берите. Идите поиграйте или спокойно отдохните. Учитель пока сделает лапшу.

— Хорошо! Учитель, вы так стараетесь!

— Умницы.

Нин Гуйчжу вошёл на кухню, сначала отмерил немного пшеничной и смешанной зерновой муки, замесил гладкое тесто и оставил его отлежаться. Тщательно вымыв разделочную доску, он перевернул её гладкой стороной вверх, сполоснул скалку, дождался, пока она обсохнет, затем тонко и ровно раскатал тесто и принялся нарезать лапшу.

Готовую лапшу он встряхнул, чтобы полоски не слипались, и отложил в сторону, после чего поставил воду кипятиться.

Сюн Цзиньчжоу наконец настиг племянника и, весьма довольный собой, вошёл на кухню.

— Воду кипятить?

— Да, лапшу сначала нужно сварить.

— Тогда я займусь этим, а ты пока готовь остальное.

На такую заботу Нин Гуйчжу ответил улыбкой и тихо промычал:

— Угу.

После этого он начал обдумывать заправку. В самый первый раз, когда они ездили в уезд за покупками, Нин Гуйчжу заодно купил немного арахиса. Всё это время он так и лежал нетронутым. Теперь Нин Гуйчжу отсыпал чашку и поставил рядом, собираясь потом обжарить арахис в масле, посолить и перемешать - тогда его можно будет есть и просто как закуску.

Затем он отправился на огород в заднем дворе. Цзиньбо и Иньинь не могли есть острое, поэтому Нин Гуйчжу выбрал самые молодые, недавно завязавшиеся перчики, сорвал немного зелёного лука, а затем оглядел остальные овощи. За всё это время огород понемногу

расширяли, каждый день поливали и собирали вредителей, поэтому всё росло очень хорошо. Огуречные плети карабкались по бамбуковым подпоркам, которые поставил Сюн Цзиньчжоу, и на них уже висело несколько плодов величиной с ладонь.

Для холодной закуски огуречная соломка подошла бы как нельзя лучше. Однако взгляд Нин Гуйчжу долго задерживался на нежных зелёных огурчиках, и в конце концов он всё же переключился на латук. Его листья хорошо отрастали заново, поэтому на большом огороде семьи Сюн этого овоща посадили немало. Естественно, и на собственных грядках Нин Гуйчжу больше всего выращивал именно его.

Поэтому...

Он выдернул один куст прямо с корнем.

Тщательно вымыв собранные овощи, Нин Гуйчжу вернулся на кухню и увидел, что Сюн Цзиньчжоу уже собирается опускать лапшу в воду. Он тут же ускорился. Листья отложил в сторону, самые крупные разломил пополам. Перец нарезал косыми кусочками, зелёный лук мелко порубил, а стебель латука нашинковал тонкой соломкой. Затем разжёл небольшую печку и, когда вода в глиняном горшке закипела, опустил туда соломку латука.

Отварил, вынул и отложил в сторону. Следом отправил в воду листья.

Сюн Цзиньчжоу спросил:

— Чжу-гер, лапша уже варится. Что дальше?

Нин Гуйчжу распорядился:

— Вымой таз, в котором месили тесто, набери туда колодезной воды. Как лапша сварится, сразу перекладывай её в воду.

— А, хорошо. — Сюн Цзиньчжоу кивнул, но не спешил двигаться. — Для лапши вода должна быть чем холоднее, тем лучше?

У очага уже стояло ведро воды, набранной заранее. Если бы температура не имела значения, Нин Гуйчжу не стал бы специально просить его идти к колодцу.

Нин Гуйчжу кивнул и похвалил:

— Умный.

Уголки губ Сюн Цзиньчжоу сдержанно приподнялись.

Листья тоже успели бланшироваться. Нин Гуйчжу вынул их, вылил воду из глиняного горшка, обсушил его на огне, затем налил масла и разогрел. После этого высыпал заранее приготовленный арахис. Обжаренный до аромата арахис он вынул, дал лишнему маслу стечь, переложил в чашку и перемешал с солью. Большую часть масла со дна горшка Нин Гуйчжу слил, а в оставшемся быстро обжарил свежий нежный перец, чтобы раскрыть аромат.

На этом всё, что требовало огня, было почти готово. Нин Гуйчжу принялся за холодную закуску из латука.

Пока он хлопотал со своей стороны, Сюн Цзиньчжоу тоже доварил лапшу и переложил её в только что набранную холодную колодезную воду. Нин Гуйчжу достал пять чашек и сначала налил в каждую соевый соус и выдержанный уксус.

— Цзиньчжоу, ты будешь острое?

— Немного, — ответил тот.

Тогда Нин Гуйчжу добавил перец в их две чашки и попросил его ещё спросить у Сюн Чуаньшуя, хочет ли тот острого: этот ребёнок довольно любил блюда с остринкой.

— Чжу-гер, Чуаньшуй сказал, что ему совсем чуть-чуть, — сообщил вошедший Сюн Цзиньчжоу.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу снова взял баночку с молотым перцем, зачерпнул совсем немного, добавил в чашку и размешал.

— Цзиньчжоу, набери ещё немного колодезной воды, для бульона.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу только вошёл на кухню, но, услышав это, тут же развернулся и снова вышел. Вскоре рядом с Нин Гуйчжу появилась ледяная колодезная вода. В пяти стоявших перед ним чашках уже лежали соломка из стебля латука, арахис, листья латука и обжаренный перец. В чашки налили прозрачную колодезную воду, затем положили лапшу и слегка перемешали - можно было есть.

— Ой, мясо забыл приготовить.

Нин Гуйчжу уже собирался поднять чашку, но замер и задумался, не обжарить ли на скорую руку немного мясной соломки. Сюн Цзиньчжоу предложил:

— Давай добавим мясной соус. Наверное, тоже будет вкусно.

— ...Тоже можно.

Стоя перед шкафом, Нин Гуйчжу уже протянул руку к мясу, но передумал и достал мясной соус. В каждую чашку положили по две ложки. Затем они вдвоём вынесли еду из кухни.

— Холодная лапша готова-а!

Услышав протяжный зов Нин Гуйчжу, трое детей, игравших с котятками в главном зале, тут же вскочили и радостно отозвались:

— Идём, идём!

Дети сами расселись за столом. Нин Гуйчжу поставил перед ними чашки с лапшой; рядом уже лежали и палочки, и ложки.

— Ешьте медленно, только не испачкайтесь.

— Хорошо-о!

Сюн Цзиньчжоу поставил рядом ещё две чашки и удержал Нин Гуйчжу, который по привычке уже собирался развернуться:

— Я сам принесу последнюю. Ты садись и начинай есть.

В их чашках перца было примерно одинаково, так что не имело значения, кто какую возьмёт.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу сел, перемешал лапшу палочками, но есть не спешил. Вместо этого повернулся к трём детям, которые уже щурились от удовольствия:

— Нравится?

Все трое энергично закивали. Сюн Чуаньшуй дёрнулся так сильно, что едва не ударился о чашку.

— Очень-очень-очень вкусно! Лапша учителя пахнет вкуснее всего!

Сюн Цзиньчжоу как раз вернулся с чашкой и услышал их восторженные похвалы. Он фыркнул со смешком:

— Льстецы.

Трое детей захихикали.

Сюн Цзиньчжоу сел, и только тогда Нин Гуйчжу подхватил палочками лапшу и отправил в рот.

После двух промываний холодной водой лапша стала прохладной, упругой и освежающей. Основа была солоноватой, с кисло-острым вкусом; соломка из стебля латука хрустела и пахла свежестью, листья тоже получились вкусными, а арахис был особенно хорош - хрустящий и ароматный.

В такую жару съесть хоть одну такую порцию - настоящее наслаждение.

Двое взрослых и трое детей доели лапшу и, глядя на палящее солнце за окном, один за другим начали зевать. Мыть чашки и палочки под таким солнцем никто не спешил, поэтому их просто убрали на кухню, а Нин Гуйчжу позвал детей:

— Пойдёмте в спальню спать. Сегодня будем спать прямо на полу, там прохладнее.

Пол в спальне был приподнят на один уровень и застелен деревянными досками, летом на нём было очень приятно лежать.

Нин Гуйчжу тщательно протёр пол тряпкой, затем снял подушки и разложил их, чтобы дети могли улечься.

Что же до него самого и Сюн Цзиньчжоу...

Им нужно было следить, чтобы птицы не расклёвывали пшеницу, поэтому ложиться спать было нельзя - стоило расслабиться, и они вполне могли заснуть слишком крепко.

Полуденное солнце уже начало заглядывать в комнату. Они уселись у входа в спальню, одновременно присматривая за детьми и следя за пшеницей. Стоило какой-нибудь птице опуститься во двор, как они тут же с силой взмахивали тонкой бамбуковой веткой. Веточка рассекала воздух с резким свистом, птицы вспархивали в испуге, но спустя некоторое время снова осторожно возвращались.

Нин Гуйчжу, до этого обмахивавший веером детей, сменил направление и начал обдывать Сюн Цзиньчжоу. Тот положил бамбуковую ветку на перекладину под стулом и негромко сказал:

— Может, ты тоже немного поспишь? Проснёшься, и пойдём в горы.

Утром вся семья завтракала вместе и тогда уже договорилась, что в дни, когда сушат пшеницу, дети будут учиться только половину дня, чтобы у Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу оставалось время на собственные дела.

Нин Гуйчжу слегка покачал головой:

— Я не очень сонный. Просто делать сейчас нечего, скучно.

Подумав так, он сунул веер в руки Сюн Цзиньчжоу.

— Я лучше доплету корзину.

И, не дожидаясь реакции, убежал в главный зал, вынес недоделанную корзину и оставшиеся бамбуковые полоски, уселся на табурет и снова принялся за работу.

Сюн Цзиньчжоу:

— ...

Он беспомощно вздохнул и начал обмахивать Нин Гуйчжу.

— Может, лучше считаешь? Хоть отдохнёшь.

Нин Гуйчжу отказался:

— От чтения меня в сон клонит.

Да и те несколько книг, которые они купили, не слишком располагали к лёгкому чтению. Даже не говоря уже о том, насколько хорошо он понимал классический язык: без расставленных пауз и знаков препинания за целый шичэнь удавалось осилить лишь несколько страниц. Приходилось снова и снова разбирать смысл, переставлять слова, делить текст на фразы - одна мысль об этом уже вызывала головную боль.

Сюн Цзиньчжоу на мгновение растерялся. Так, оказывается, даже учёных людей от книг клонит в сон.

Не подозревая, какое ошибочное впечатление только что оставил у Сюн Цзиньчжоу, Нин Гуйчжу ловко переплетал бамбуковые полоски. Видя, как корзина понемногу обретает форму, он сам того не замечая начал тихо напевать весёлую мелодию.

Сюн Цзиньчжоу слушал его напев, и движения веера понемногу тоже обрели ритм. Во дворе воцарилась полная тишина. Под палящим солнцем лишь изредка раздавались несколько птичьих криков, а больше не слышалось ничего.

И вдруг из заднего двора донёсся лай Давана и Эрцай. В нём не было угрозы, поэтому оба даже не встали, лишь обернулись назад и повысили голос:

— Даван, Эрцай?

Услышав голоса хозяев, обе собаки перестали лаять и, радостно виляя хвостами, последовали за пришедшим человеком в передний двор.

Сюн Цзиньпин с улыбкой сказал:

— Пришёл позвать вас обедать. А дети где?

Сюн Цзиньчжоу заглянул в спальню, жестом попросил брата говорить потише и только потом ответил:

— Мы уже поели. Они совсем недавно уснули, не буди их.

— А, хорошо.

Голос Сюн Цзиньпина сразу стал в несколько раз тише. Глядя на троих детей, спящих рядышком, он невольно улыбнулся и тихо сказал:

— Тогда я пойду обратно. Как поем, приду посижу здесь немного, а вы тоже поспите.

Нин Гуйчжу ответил:

— Старший брат, ты сам устал сильнее, не беспокойся о нас.

После окончания жатвы им двоим, по сути, оставалось только следить за пшеницей и не оставлять её без присмотра, а другой работы почти не было. А Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа жили иначе: сегодня ещё до рассвета они встали делать тофу, утром ездили в уезд торговать, и, судя по всему, только сейчас вернулись домой.

Сюн Цзиньпин сказал:

— Ничего. Отец сказал, что после полудня сам повезёт тофу, так что мы с Чуньхуа сможем по очереди отдохнуть. Когда дети проснутся, я тоже вернусь домой поспать.

Услышав, что всё уже распланировано, Сюн Цзиньчжоу согласился.

Сюн Цзиньпину ещё предстояло обедать, поэтому, получив ответ брата, он больше ничего не сказал и тихо вышел через задний двор. Даван и Эрцай тем временем нашли Саньбао и Сыси, спрятавшихся спать в углу главного зала. Несколько раз потрогали их лапами, но разбудить и позвать играть не удалось, поэтому собаки просто покружились неподалёку, улеглись, положили головы на задние лапы и тоже уснули.

Нин Гуйчжу закончил обрабатывать края квадратной бамбуковой корзины, поднялся и широко потянулся. Затем прислонился к Сюн Цзиньчжоу и прикрыл глаза, ленивый и расслабленный, совсем как их две кошки.

Сюн Цзиньчжоу взял его за руку и слегка помял пальцы.

— Ты иди спать первым. Я дождусь старшего брата.

— М-м.

Нин Гуйчжу немного подумал, потом всё же поднялся:

— Я сначала протру пол. Мы тоже ляжем на полу, там прохладнее.

Видя, что он всё равно не может сидеть без дела, Сюн Цзиньчжоу беспомощно ответил:

— Хорошо.

Дети всё ещё спали, поэтому Нин Гуйчжу двигался особенно тихо. А вскоре после того, как он закончил протирать пол, пришёл и Сюн Цзиньпин.

— Идите спать, — тихо поторопил их Сюн Цзиньпин.

Сюн Цзиньчжоу поднялся, похлопал старшего брата по плечу и сказал:

— Дети уже какое-то время спят, наверное, скоро проснутся.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу тихо вошли в спальню и легли подальше от входа. Все подушки достались троим детям, поэтому Сюн Цзиньчжоу положил под голову согнутую руку, а второй, словно это было само собой разумеющимся, обнял Нин Гуйчжу.

Нин Гуйчжу устроился на его руке, и в голове почему-то всплыли сведения о том, как правильно спать, положив голову на чужую руку. Он сдвинулся так, чтобы на неё пришлась задняя часть шеи: из-за естественного строения человеческого тела там оставалось небольшое пространство, поэтому рука под головой не так быстро затекала.

Устроившись поудобнее, он внезапно замер и беспомощно провёл ладонью по лицу. Чего только современный интернет не учит.

Сюн Цзиньчжоу заметил его движение и озадаченно спросил:

— Что такое?

Нин Гуйчжу покачал головой:

— Ничего. Спи.

Усталость после жатвы за последние два дня ещё не успела полностью пройти, к тому же сегодня они встали рано. Лёжа на прохладном деревянном полу, оба вскоре почувствовали сонливость, и дыхание постепенно стало ровным. Сюн Цзиньпин ещё некоторое время посидел, затем поднялся перевернуть пшеницу и снова вернулся на табурет, энергично обмахиваясь плетёным веером.

Как раз в это время вошла Ван Чуньхуа. Она тихо заглянула в комнату на спящих двух взрослых и троих детей, затем сходила на кухню и принесла Сюн Цзиньпину чашку холодной воды. Увидев, как он взял её и одним духом выпил больше половины, она не удержалась:

— Хоть бы сам себе воды налил, если пить хочется.

Сюн Цзиньпин потянул её за руку, усадил на соседний стул и только тогда с улыбкой ответил:

— Я же сначала хотел немного обмахнуться, а потом уже идти.

Ван Чуньхуа беспомощно вздохнула. Можно ведь и пить, и обмахиваться одновременно. Впрочем, привычка делать всё строго по очереди появилась у него не вчера и не сегодня. Когда Ван Чуньхуа только вышла за него замуж, сама она была куда нетерпеливее и много раз его за это журила, но полностью исправить так и не смогла. Теперь уже привыкла.

Не обращая больше внимания на мужа, Ван Чуньхуа заметила, что у троих детей от сна выступил пот на лбах. Она намочила платок, осторожно вытерла им пот, а затем начала обмахивать детей веером, наблюдая, как лёгкий ветерок приподнимает их мягкие послушные волосы. Сюн Цзиньпин, увидев это, немного наклонился в её сторону, чтобы ветер от его веера доставался и Ван Чуньхуа.

Солнце поднималось всё выше. Они сидели у стены, но косые лучи уже добрались до самых ступней. Сюн Иньинь дважды поворочалась на полу, потёрла глаза и села. Сознание ещё не успело окончательно проясниться, и, увидев непривычный пол, на котором она впервые спала, девочка машинально надула губы.

Ван Чуньхуа и Сюн Цзиньпин всё время посматривали за детьми. Увидев, что Иньинь проснулась, Ван Чуньхуа протянула руки и легко подхватила её на руки.

— Папа и мама здесь, Иньинь, не плачь. Братья, учитель и дядюшка ещё спят.

— Мама...

Сюн Иньинь уткнулась головой ей в грудь и тихонько зевнула. Сюн Цзиньпин поднялся, принёс ведро колодезной воды, намочил платок и передал жене. Ван Чуньхуа принялась обтирать дочку, а когда увидела, что та понемногу окончательно просыпается, с улыбкой стала негромко её развлекать.

Стоило ребёнку прийти в себя, как вся сонливость мгновенно исчезла. Сюн Иньинь заёрзала у матери на коленях, прыгнула на пол, посмотрела на всё ещё спящих братьев, а потом убежала в главный зал играть с кошками и собаками.

Вскоре один за другим проснулись Сюн Цзиньбо и Сюн Чуаньшуй. Супруги обтёрли и их, ещё раз объяснили, на что нужно обращать внимание, пока они присматривают за пшеницей, и велели не шуметь, чтобы не разбудить всё ещё спящих Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу. Только после этого они ушли домой отдыхать.

Нин Гуйчжу разбудила жара. Он открыл глаза и какое-то время рассеянно смотрел на потолок, затем медленно перекатился в сторону, подальше от Сюн Цзиньчжоу, и лёг на прохладное место. Жар в теле быстро рассеялся.

Снаружи доносились звуки детских игр. Нин Гуйчжу упёрся ладонью в пол и сел, но взгляд, обращённый к выходу, всё ещё оставался пустым.

Солнце... так близко.

Пока он сидел в оцепенении, проснулся и Сюн Цзиньчжоу. Он машинально пригладил волосы рукой, посмотрел на совершенно растерянного Нин Гуйчжу и спросил:

— Не выспался? Может, ещё немного поспишь?

Нин Гуйчжу медленно покачал головой. Спустя ещё некоторое время он протянул руку уже вставшему Сюн Цзиньчжоу:

— Подтяни меня. Сил нет.

Сюн Цзиньчжоу наклонился, но вместо того чтобы просто помочь ему подняться, подхватил на руки и усадил на табурет. Затем надел на него обувь и, взяв за руку, вывел через маленькую дверь спальни прямо в главный зал.

— Учитель! Дядюшка!

Трое детей, игравших с собаками в «догони меня», радостно их окликнули. Сюн Цзиньчжоу кивнул и, увидев, как Сюн Иньинь тянется за спрятавшейся за табуретом Сыси, предупредил:

— Иньинь, осторожнее. Смотри, чтобы кошка тебя не оцарапала. Это всё-таки дикие котята, которых принесли снаружи, они могут быть злыми.

— Не оцарапает! Сыси очень послушная! Она ни разу даже коготки не выпускала! — тут же встала на защиту кошки Сюн Иньинь.

Сюн Цзиньчжоу лишь покачал головой и больше ничего не сказал. Предупредив Нин Гуйчжу, он пошёл к колодцу за водой. Прохладная колодезная вода плеснула в лицо, и остатки сонливости после пробуждения наконец исчезли.

Отставив ведро, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу ещё раз перевернули пшеницу, после чего сказали троим детям:

— Тогда вы присматривайте, чтобы птицы не клевали зерно. Мы ненадолго сходим в горы и скоро вернёмся.

— Хорошо-о...

Сюн Цзиньбо добавил:

— Учитель, не волнуйтесь! Мы ещё в прошлом году сторожили пшеницу!

Нин Гуйчжу с улыбкой погладил его по голове:

— Молодец.

Выйдя со двора, Сюн Цзиньчжоу обратным движением прикрыл маленькую калитку. Дом стоял довольно далеко, да ещё вход находился со стороны заднего двора, и нельзя было исключать, что кто-нибудь особенно дерзкий проберётся внутрь. Украдут что-нибудь - ещё полбеды, куда страшнее, если пострадают дети.

Держась всё время в тени деревьев, они пошли вперёд, длинными палками простукивая траву. На этот раз они не стали пользоваться обычной дорогой в горы с другой стороны деревни, а полезли прямо вверх по крутому склону. Под густыми кронами в лесу было заметно прохладнее, чем снаружи, зато комаров и прочих насекомых куда больше. Нин Гуйчжу лишь на мгновение отвёл взгляд и едва не столкнулся лицом с огромным пёстрым пауком. Он тут же отшатнулся на несколько шагов и спрятался за Сюн Цзиньчжоу.

Вообще-то Нин Гуйчжу почти ничего не боялся, но вот лесные пауки заставляли его невольно напрягаться. Ничего удивительного: расцветка у них была самой разной, зачастую они почти сливались с окружающей средой, и стоило в горах на секунду потерять бдительность, как такой паук оказывался прямо перед лицом. К тому же немалая их часть была ядовитой, тут трудно не испугаться.

Сюн Цзиньчжоу держал Нин Гуйчжу за руку, и в его голосе слышалась улыбка:

— Когда дорога станет попроще, пойдём рядом. А пока держись за мной.

— Угу.

Хватаясь то за траву, то за стволы деревьев и используя растения как опору, они легко поднимались по крутому склону и вскоре добрались до более ровного участка.

<http://bllate.org/book/14958/1989046>